

Н. Н. Алеврас

**МАГИСТРАТУРА
В КОНТЕКСТЕ ДИССЕРТАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ:
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ОПЫТ ИСТОРИКО-НАУЧНОГО
СООБЩЕСТВА В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ РАКУРСЕ**

Исследуется история возникновения и развития научного интереса в историографии XX века к проблемам российской системы профессиональной подготовки ученых-историков. В центре внимания автора находится институт магистратуры в университетах Российской империи второй половины XIX – начала XX в., рассмотренный как предмет историографического анализа в опыте российских и зарубежных историков. Автор выражает и собственное понимание смысла, места и значения данной институции с позиций институционального, антропологического, коммуникационного, науковедческого и историографического подходов.

Ключевые слова: магистратура, диссертационная культура, историко-научное сообщество, историография, университеты России, ученый-историк, диссертация.

Институт магистратуры, как важнейший инструмент подготовки научных кадров и органичный элемент диссертационной культуры российских университетов, приобретал свой нормативный статус в течение всего XIX века, но наиболее завершенный его вид сложился в период действия последних университетских уставов 1863 и 1884 годов. К этому времени институт магистратуры не только получил правовые основы, но был обогащен университетским опытом и оригинальными практиками подготовки магистрантов: отбором претендентов на получение «профессорского звания» и организацией их научно-исследовательской деятельности, завершавшейся созданием и публичной презентацией диссертации (магистерским диспутом). Выработанные самим университетским сообществом правила и

принципы интеллектуальных коммуникаций в виде этики научной жизни, критериев научности, а также ритуалов, сопровождавших различные события научной жизни, составляли социокультурный базис функционирования данной институции. По завершении процедурного движения успешно защищенная диссертация становилась для соискателя не только нормативной основой присуждения ученой степени магистра, но и неформальным пропуском-маркером вхождения в науку и научное сообщество, нередко определяя перспективы его научной карьеры и судьбы.

Данная университетская институция, вобрав в себя норму, опыт и традицию университетской жизни (некоторые современники не без оснований относили эту сферу к области университетского быта [см.: 40, с. 1–34]), может быть рассмотрена в разных ракурсах. Она предстает и как социальный инструмент интеграции молодого ученого в корпоративную среду, и, одновременно, как социокультурный, интеллектуальный феномен научной повседневности. Институт магистратуры составлял ядро схолярных коммуникаций, являясь источником создания неформальных статусов: научных руководителей – учителей и готовящихся к «профессорскому званию» – учеников.

Цель и результат магистерского отрезка жизни молодого ученого, а именно: созданный им научный продукт – диссертация является выражением когнитивно-интеллектуального потенциала той или иной дисциплинарной субкультуры университетской корпорации, с которой он был генетически связан. Данный ракурс выражает смысл социо-когнитивного подхода, характерного для исследований процессов институционализации в истории науки [см.: 56, с. 218–256; 48, с. 134–149].

Лаконично выраженное представление о сущности интересующего нас явления научной культуры и акцентуация некоторых подходов к его изучению основываются на идеях, которые повлекли существенные изменения в представлениях ученых относительно того, что и как изучать в истории науки [см.: 46]. В частности, к изучению социальных институтов подходят с позиций микроаналитической стратегии, подвергая их многомерному анализу как социокультурные феномены [см.: 9].

С учетом известной трансформации теоретико-методологических аспектов исторического знания последних десятилетий особый

интерес вызывает историографическая ситуация, связанная с изучением интересующего нас института университетской культуры дореволюционной России. Обращение к историографическому ракурсу истории магистратуры неизбежно выводит на блок исследований проблем функционирования диссертационной системы в целом. К числу актуальных сюжетов, составляющих их контекст, относятся: формирование научных кадров высшей квалификации в системе университетской культуры, опыт подготовки диссертаций и традиции их защит, законодательные основы присуждения ученых степеней и званий и др.

Рефлексивный взгляд на состояние в дореволюционной России организационно-экспертной культуры защит диссертаций и подготовки научных кадров в сфере исторического знания был характерен уже для современников [см.: 3, с. 221–247], представивших свои критические суждения об этом в периодике, публицистике, материалах дебатов министерских комиссий. Особенно выразительно актуализация отмеченных аспектов проявляется на рубеже XIX–XX веков, когда динамика защит диссертаций, в том числе в корпоративной среде ученых-историков, четко фиксирует тенденцию роста их количества [3, с. 227–228, 243, примеч. 67.].

Трансформация культуры и системы образования после Октябрьской революции 1917 г. спровоцировала новую рефлексивную реакцию в условиях кампании советской власти по ликвидации ученых степеней и званий. В конце 1910-х – 1920-е гг. она проявлялась, вероятно, втуне: в частных разговорах, переписке, дневниковых и мемуарных свидетельствах об университетской жизни, не всегда писавшихся для публикации. Ситуация несколько изменилась в середине 1930-х гг., когда начался процесс возвращения к дореволюционной практике формирования научно-преподавательских кадров [см.: 28; 29, с. 73–75]. Полузабытый опыт дореволюционных университетов пытались было возродить при помощи воспоминаний, теперь уже предназначенных для печати. Статья мемуарного типа, написанная физиком и химиком И. А. Каблуковым (1935) [27, с. 96–102], раскрывающая традиции подготовки к «профессорскому званию» молодого поколения ученых и организации защит диссертаций в виде научных диспутов, могла появиться именно в этой связи. Близка по целевым установкам рукопись подобного характера антиковеда

С. А. Жебелёва (1935) [20, с. 146–194], освещающая эти процессы в среде историков¹. Интересны в этом же отношении свидетельства И. Л. Беленького [см.: 8] о середине 1930-х гг., как начале составления Г. Г. Кричевским, ставшим впоследствии крупным советским библиографом, уникального справочника о диссертациях, созданных в дореволюционных российских университетах.

Перечисленные свидетельства актуализации дореволюционного опыта – это лишь минимум известных мне на данный момент прямых реакций современников на начавшееся возрождение практики присуждения ученых степеней. Не вызывает сомнения, что основой этих и подобных им обращений к памяти как источнику информации являлось стремление современников запечатлеть и передать для новых поколений ученых актуальный научно-институциональный опыт российской культуры. Практики своеобразных коммемораций и научно-библиографических разысканий могли бы стать стартом, определившим начало формирования историографии дореволюционной диссертационной культуры. Однако общая ситуация середины 1930-х гг. не содействовала этому. Очевидно, что в силу известных политико-идеологических причин и предубеждений относительно опыта дореволюционной («буржуазной») науки, публикации, которые бы продолжили линию припоминаний учеными состояния дореволюционной диссертационной культуры, не получили поддержки. Поэтому-то, рукопись Жебелёва легла в стол автора. Данная тематика в советское время еще долгое время оставалась не востребованной для историко-научных разработок. Только на уровне создания библиографических справочников и продолжавшейся аналитической работы в этом направлении Г. Г. Кричевского [см.: 31], интерес к теме поддерживался в 1940-е гг.

В специальных работах историков 1960–1970-х гг., создававшихся в условиях начавшегося подъема интереса к науковедческим исследованиям, была начата разработка новой на тот момент проблематики истории университетов, студенчества, профессуры (как слоя интеллигенции) [37, с. 59–61], но тема магистратуры, подготовки и защит диссертаций еще не приобрела актуальности. Несомненно, обращение к сообществам университетской среды,

¹ Заметим, что немало страниц С. А. Жебелёв посвятил описанию практик формирования круга претендентов «к оставлению в университете», положения и статуса магистрантов, опыта сдачи магистерских экзаменов, подготовки и защиты ими диссертаций.

как объекту изучения, явилось тогда важным научным заданием, который стал основой для развития дальнейших линий истории университетской культуры. Однако в то время применительно к университетским аспектам жизни в центре внимания оставались приоритетные темы – история «политики самодержавия», социально-политических настроений и движений в университетской среде. Вместе с тем, в эти годы в опыте изданий библиографической литературы, ориентированной на историю защит диссертаций [см, например: 47], а значит косвенно – магистратуры, можно уловить влияние ранних идей Кричевского. Следовательно, интерес к теме по истории диссертаций, так или иначе, поддерживался научным сообществом.

С позиций несколько иных задач диссертационная тематика прозвучала в фундаментальной монографии М. В. Нечкиной, посвященной творчеству В. О. Ключевского. Тщательно прослеживая контекст творческой деятельности историка, Нечкина впервые подвергла обстоятельному анализу содержание обеих диссертаций историка [44, с. 124–248] и выявила типичные источники, позволяющие репрезентировать магистерский и докторский отрезок его жизни. В ее монографии предстает и процесс подготовки диссертаций, и описание диссертационных диспутов, а в целом – намечена модель изучения диссертационной истории ученого-историка. Однако диссертация, как особый вид и научный продукт исследовательской деятельности, связанная с карьерным и профессиональным движением ученого, а ее защита как социокультурный феномен особой природы не артикулировались ею.

Дореволюционный опыт университетской магистратуры начинает привлекать специальное и явно выраженное внимание отечественных историков лишь с 1980-х гг. Можно полагать, что появление интересующих сюжетов не было случайным: оно пришлось на период активизации в СССР исследований в области науковедения и истории науки [см., например: 21; 38, с. 41–43]. Этот поворот усиливался в атмосфере ослабления идеологического диктата и начавшейся внутривластной «перестройки».

Первые специальные сюжеты по истории науки, вводящие нас в интересующую тематику, по нашим наблюдениям появляются в книге Е. В. Соболевой [54]. Отдельную главу автор посвятила

изучению подготовки научных кадров и рассмотрела, во-первых, нормативные основы присуждения ученых степеней и званий, во-вторых – «институт “профессорских кандидатов”» [см.: 54, с. 170–241], то есть то, что можно отнести к институту магистратуры. Одной из первых в последнем сюжете она обратилась к теме организации практик зарубежных научных командировок начинающих ученых, предпринимаемых, как правило, для подготовки магистерской диссертационной работы. Трудно переоценить значение этой монографии с позиций предложенной ею структуры. Она, по сути, наметила новые перспективы институциональных исследований в области истории науки и предложила основательную источниковую базу в виде законодательных актов, документации МНП, представленной архивными фондами и публикациями, очертившими пространство для дальнейшего историко-научного опыта.

Почти в это же время Г. Г. Кричевский (1984) завершает в виде рукописи свой библиографический справочник по защищенным диссертациям [см.: 32]. Именно этот уникальный библиографический труд можно считать поистине стартовым фактором в историографии темы, которую мы определяем как «диссертационная культура». Известная статья (1985) об ученых степенях подвела итоги его многолетних библиографических разысканий [33, с. 141–153]. Оригинальную источниковую информацию о защищенных диссертациях (по всем специальностям и во всех университетах страны) Г. Г. Кричевский использовал для систематизации и изучения истории создания системы ученых степеней и званий в российских университетах. Будучи не только библиографом, но и историком по своему базовому образованию, он существенное внимание уделил сюжетам из истории защит диссертаций и присуждений ученых степеней в историко-научном сообществе. Намеченные им аспекты из истории российской науки тогда оставались совершенно новыми. Но и в тот момент специальная тема подготовки магистрантов и сопутствующая ей «диссертационная» проблематика оставалась на периферии внимания ученых.

Ситуация стала меняться с начала 1990-х гг. Новый социально-политический и социокультурный поворот, пережитый в те годы обществом, существенно трансформировал аксиологические основания и проблематику гуманитарных исследований.

Продолжением библио-историографической инновации Кричевского по истории науки стали труды А. Е. Иванова – по истории высшей школы и ученых степеней в России [22; 23]. В рамках наших интересов особое значение имеет вторая монография, существенно обогатившая палитру проблематики истории университетского образования и науки как нераздельных институциональных структур. Богатый источниковый материал монографии обильно иллюстрирует нормативную основу университетских уставов фактами их реализации в области деятельности научного сообщества и соискателей ученых степеней, направленной на создание диссертационных исследований и их защит. Особое значение для рассматриваемой темы имеют третья и четвертая главы книги [23, с. 71–186], впервые обстоятельно и фундаментально открывшие научному сообществу дореволюционную систему подготовки соискателей к достижению ученых степеней (институт магистратуры) и традиции защит диссертаций.

Тема присуждения ученых степеней и сюжеты, связанные с описаниями диссертационных диспутов оказались в монографии А. Е. Иванова органично соединены, создавая ощущение знакомства с «живыми» судьбами ученых и их диссертационными историями. Предложенный подход к теме, сюжетные линии и стилистика данного исследования, несомненно, демонстрировали поворот в изучении проблем истории науки. Характерна позитивная реакция тогдашнего научного сообщества на выход книги. Среди откликов выделяется рецензия П. В. Волобуева [13, с. 268–276] – академик-историка, представителя «нового направления» в историографии. Обстоятельный анализ книги А. Е. Иванова свидетельствует, что известный ученый, и сам обращавшийся к теме истории науки [см.: 12], не только отметил ее актуальность и высокий уровень, но с глубоким эмоциональным чувством открывал для себя малоизвестные ранее страницы из истории научной жизни дореволюционных университетов. Разделы, посвященные институту магистратуры и защитам диссертаций, он читал «с захватывающим интересом». Особенно его привлекли сюжеты из истории опыта подготовки магистрантов и выработки в университетской среде системы различных требований и «испытаний», которые формировали высокие профессиональные качества «профессорских стипендиатов» [13, с. 270–271].

Интересно заметить явную потребность Волобуева сопоставить уровни магистратуры и всей дореволюционной диссертационной системы с советским, в том числе современным ему, опытом. Его симпатии склонялись в пользу дореволюционной практики [13, с. 272]. Таким образом, исследованная в монографии проблематика вызывала не только сугубо научный интерес, но и наделялась практическим значением, актуализируя задачи совершенствования современной системы подготовки аспирантов к приобретению высоких профессиональных качеств.

В 1990-х гг. появляются знаковые для понимания методологических исканий современной историографии публикации [см.: 7; 30; 55]². Они знаменовали движение истории историографии по пути поисков антропологической (социокультурной) версии истории науки. Новый научный вектор к концу XX в. содействовал консолидации определенной части российских историков и историографов вокруг идей интеллектуальной истории. История диссертационной культуры и, в том числе, дореволюционной магистратуры вписываются нами в это продолжающееся движение.

Обращение к аспектам научного и историографического быта, характерного для этого времени, позволяет конструировать научную повседневность, а деятельность историка на поприще процесса создания и защиты диссертации, в том числе на отрезке его магистерского пути, воспринимать как органичный элемент каждодневной жизни научного сообщества. Одновременно, диссертация как тип научного исследования с особым – научно-квалификационным статусом, может рассматриваться в качестве образцовой штудии на каждый данный момент истории историографии среди других научно-интеллектуальных результатов деятельности ученых. В диссертациях, выставляемых на суд научного (и не только) сообщества, концентрируется весь спектр идей в области теории, методологии, концептуальных интерпретаций истории, а потому они могут служить неким мерилом для понимания тенденций развития научно-исторического знания и культуры его репрезентации.

Воронежская историографическая традиция (научная школа В. И. Чеснокова) – являлась одной из заметных в 1990-е гг. линий,

² В данном случае ссылки на круг историографических работ данного времени намеренно ограничены задачами и основными сюжетными линиями статьи.

с которой связано изучение истории российских университетов [см.: 50] и процессов подготовки ученых высшей квалификации [см.: 57. Переиздано: 25, с. 113–137; 58, с. 75–85]. Новым историографическим фактом середины 1990-х г. следует считать и появление Харьковского историографического сборника (с 1995 г.), ставшего важной коммуникативной площадкой для презентации украинских и российских историографических проектов. Один из современных лидеров украинских коллег, редактор данного издания – С. И. Посохов, специалист по истории российской университетской дореволюционной культуры, в недавней статье также обратился к проблемам по историко-диссертационной тематике [49, с. 131–152]. История защит диссертаций актуализируется автором посредством обращения к этической стороне этого сегмента историографического быта. Процесс и результаты защит диссертаций представлены им в контексте системы ценностей, принятых в научном сообществе и в реалиях своего времени с учетом профессионально-доктринальных, общественно-политических, религиозных предпочтений и особенностей личностных моральных качеств участников диссертационных историй.

Характеризуя историю историографии относительно интересующих нас аспектов в 1990-е гг., нельзя специально не остановиться на существенном вкладе в их изучение со стороны зарубежных коллег. Еще в 1990 г. известный американский историк-русист Т. Эммонс опубликовал статью [62, с. 45–61] об учениках Ключевского и критериях определения их круга. Уже тогда она произвела заметное впечатление тем схолярным ракурсом, который историк спроецировал в ней, задав некую модель изучения творчества лидера научной школы и его учеников в процессе их внутришкольной коммуникации. Практически все труды учеников Ключевского, рассмотренные Эммонсом, представлены их магистерскими диссертациями. В 1998 г. появилась книга немецкого историка Т. Бона, также обращенная к школе Ключевского. Для широкого круга отечественных историков она стала известна после ее переиздания в России (2005) [10]. Масштабно обозначенная тема книги («Русская историческая наука...») и ее многообразные сюжетные линии, в значительной мере, сосредоточивают внимание на истории подготовки профессиональных кадров ученых-историков в российских университетах, проиллюстрированных таким феноменом

как школа Ключевского («Московская школа»). Продолжая, по сути, схолярную линию Т. Эммонса, Т. Бон детализировал и попытался определить особенности и место институций и традиций в опыте российской университетской культуры. Среди них – выдвижение претендентов в категорию «оставляемых для подготовки к профессорскому званию», магистратура, приват-доцентура, создание диссертаций, диссертационный диспут, присуждение ученых степеней, особенности взаимодействия учителя и учеников и др. На момент первого издания монографии эта тематика в российской историографической практике оставалась еще мало разработанной.

Статья американского профессора Т. Сандерса (1999), переизданная в 2012 г. [51, с. 161–192], еще более фокусирует внимание на проблемах диссертационной культуры. Получив возможность ознакомиться с ней после появления российского издания, уже тогда, когда у меня и моей коллеги и соавтора (Н. В. Гришиной) вышло несколько статей на эту тему, стало ясно, что наши интересы почти сомкнулись с проектом Т. Сандерса. Американский историк, иллюстрируя статью целой серией диссертационных историй, концентрирует внимание на процедуре защиты диссертации, рассматривая ее как институциональный фактор посредством введения понятия «институт диспута». Одновременно историк прослеживает развитие социокультурной функции этого института, которая в общественно-политических условиях России середины и второй половины XIX в. трансформирует его в инструмент иного действия, чем это задумывалось МНП при его создании: он приобретает социальную актуальность. Действительно, трибуна диссертационного диспута была легитимирована принципом университетской автономии (хотя и относительной), становясь для представителей научного сообщества и способом выражения своей, как это заметил Т. Сандерс, «социальной идентичности», и местом актуализации общественно-политической злобы дня. Хотелось бы вместе с тем заметить, что такой упомянутый историком элемент диспута как диссертационная речь соискателя [51, с. 177], может одновременно рассматриваться и как способ научной самоидентификации ученых [см., например: 4, с. 276–286]. Самые высокие образцы выступлений (речей) соискателей-магистрантов на диспутах становились источником инновационных теоретико-

методологических идей. Мне приходилось подчеркивать эти моменты в статье для научного альманаха «Эйдос» [6, с. 150–159]³.

С начала 1990-х гг. параллельно названным направлениям осуществлялась разработка проблем исторического опыта присуждения ученых степеней и званий, начатых еще библиографическим проектом Г. Г. Кричевского. Отмечу инициированный А. Н. Якушевым научно-практический проект [см.: 63; 64], нацеленный на три основных аспекта. Во-первых – на переиздание фрагментов рукописи библиографического справочника Кричевского по отдельным научным специальностям [см.: 34], во-вторых – на издание комплексов нормативных документов по истории присуждения ученых степеней [см.: 65]. Переиздание рукописи Кричевского квалифицировалось авторами как «посмертное издание». Этот факт нельзя особо не отметить в связи с коммеморативными мотивациями проекта. Однако научная и археографическая культура этих переизданий, к сожалению, далека от образцового исполнения.

Третий компонент проекта связан с осуществлением серии диссертационных исследований [см.: 14; 15; 35], целеустремленных, главным образом, к характеристике нормативных оснований существовавшей в дореволюционной России системы защит диссертаций и присуждения ученых степеней. Сознательно ограничивая в примечаниях чрезвычайно обширный список публикаций авторов, входящих в это направление [подробнее см.: 11, сноски 9–12], отмечу, что оно представлено преимущественно специалистами юридического профиля, а содержательно ориентировано на историю университетского законодательства и институциональных структур, имеющих отношение к научно-образовательной сфере. Задачи этих исследований идейно и методологически не совпадают с нашим замыслом. Соглашусь с мнением Е. Вишленковой и К. Ильиной, что «в силу довольно аморфной аналитической рамки» эти историко-правовые исследования «не сделали историко-культурных открытий, а потому оказали слабое влияние на историографию темы» [11].

Знаменательно, что начавшийся реформационный процесс современной образовательной системы высшей школы, вызвал определенный интерес к истории магистратуры [см.: 36]. Но

³ Раздел статьи «Диссертационная речь как творческое откровение».

указанная в ссылке статья Л. И. Лебедевой, отражает факт недопонимания функции магистратуры XIX в. Настораживает уже первое ее предложение, ошибочно отождествляющее смысл дореволюционной и современной магистратуры: «Магистерская подготовка в России, прекращенная в 1917 г., возобновилась в 1993 г.» [36, с. 297].

Интерес к диссертациям как объекту исследования традиционно сохраняется в среде библиографов и специалистов библиотечного дела. Н. М. Кабанова обозначила это направление как «диссертациеведение» [25; 26].

Иные задачи и методологические подходы по теме «диссертация» сформировались в системе историографических исследований первого десятилетия XXI в. В рамках данной дисциплинарной области возник повышенный интерес к изучению становления историка-профессионала в процессе университетского обучения. Разработки схоларной проблематики усилили его, создав условия для появления сюжетов, связанных с изучением проблематики, концептуальных и методологических основ, историй создания и защит диссертационных работ. Появление серии статей и монографий о научных школах В. О. Ключевского, В. И. Герье, М. И. Гревса, С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского и др., характерное для этого времени, убедительно показало, что центральное ядро «диссертационной» и «профессорской» культур составляет институт магистратуры, являющийся соединительным мостом между ними. Не случайно, В. П. Корзун и Т. А. Сидорякина, подчеркнули, что профессорская культура, будучи нацеленной на «производство и трансляцию научного знания», была прочно связана с нормами и традициями защит диссертаций и присуждением ученых степеней [29, с. 67–69].

Среди комплекса монографических исследований по схоларной проблематике отмечу два из них, принадлежащих Н. В. Гришиной [см.: 17] и А. В. Свешникову [см.: 52]. В центре их внимания – плеяда учеников-магистрантов знаменитых историков – В. О. Ключевского и М. И. Гревса соответственно. Авторы интересуются способами и традиции возвращения ученых-историков молодого поколения, опыт и практики их взаимодействия с учителями, результаты этого взаимодействия в виде защищаемых ими диссертаций. Введенное А. В. Свешниковым понятие «школообразующая практика»

и аналитические описания Н. В. Гришиной диссертационных и карьерных историй представителей магистрантского корпуса заставляют фокусировать внимание на институте магистратуры как феномене научной, институциональной, коммуникативной и социокультурной природы.

Констатируя факт заметного роста современных исследований, подступающих к границам предметного пространства истории диссертационной культуры, отмечу, что зарождение собственного интереса к этой теме можно отнести к началу 2000-х годов. Первоначально он проистекал из интуитивного ощущения несправедливого забвения на страницах тогдашних учебников по историографии и многих историографических исследований внушительного количества защищенных диссертаций историков. Поэтому-то статья Т. Эммонса в свое время предстала как откровение. Но целенаправленное обследование архивных фондов историков и формирование предварительной программы исследования удалось начать только в 2010 г. при самом активном соучастии моей младшей коллеги – Н. В. Гришиной.

Опыт погружения в источники показал, что тема «Диссертация по истории...», какой она предварительно формулировалась, требует выработки контекстуального подхода и специфической терминологии. Так возникло понятие «диссертационная культура», определение которой впервые было дано в нашей совместной статье [см.: 3, с. 222]. Но собственно презентация проекта была осуществлена чуть раньше – на страницах «Мира историка» [1, с. 9–21], сразу после первых эвристических опытов. В этом же выпуске сборника мы опубликовали тексты некоторых источников, связанных с защитами магистерских диссертаций – Г. В. Вернадского и А. А. Кизеветтера [1, с. 367–384; 16, с. 388–393]. Для редакторов сборника наша идея стала поводом актуализировать тему «диссертация» в контексте рефлексий «прошлое и настоящее». Более чем дюжина статей и документальных материалов, появившихся в этом издании на заданную тему, требуют специального обзора [39, с. 9–232], но хотелось бы подчеркнуть данным фактом поддержку научным сообществом предложенной проблематики.

Тема диссертаций и их защит в последние годы актуализировалась под воздействием общих проблем реформирования высшего образования в связи с переходом на так называемую Болонскую

систему, скандальными историями, связанными с фактами плагиата в диссертациях и критикой работы ряда современных диссертационных советов. Характерно в этой связи появление специального блока статей «Университетские истории: реформа как традиция?» в «Новом литературном обозрении» [см.: 45]. Здесь проблема института диссертации и ученых степеней рассматривается в различных аспектах: и как существенный элемент университетской/вузовской системы, и как актуальная научно-исследовательская проблема. В статье Е. А. Вишленковой и К. А. Ильиной [11], примыкающей к этому блоку, дан краткий историографический обзор под характерным названием «Диссертация как объект изучения», который следует признать первой попыткой выявления историографических вех складывания интереса к этой проблеме и обозначения современной историографической ситуации. Но тема российской магистратуры XIX века, не стала в нем отдельным сюжетом.

Наша специальная попытка акцентировать внимание на данной институции сделана на одной из историографических конференций 2012 г. [5, с. 169–171]. Детализация дореволюционного опыта выявления и рекомендации кандидатур в магистратуру, изучение судьбы этого института в процессе его трансформации в аспирантуру советского времени представлены в работах Н.В. Гришиной [см.: 18, с. 172–180; 19]. Социальный статус, поведенческие и жизненные стратегии дореволюционных «аспирантов-историков» исследуются А.В. Свешниковым [53, с. 164–171].

Подводя итоги обзора, заметим, что сформулированная тема истории ученых степеней и званий применительно к пореформенному времени, будучи актуализированной в 1930-е гг. в связи с прагматическими задачами возрождения опыта дореволюционных университетов, подвергалась впоследствии существенной трансформации. В историографии 1960–1990-х гг. формировалось несколько перспектив ее дальнейшего развития в рамках истории науки, высшего образования, изучения историко-правовых оснований научной деятельности. Рубеж XX–XXI вв. став началом широкой волны социокультурных исследований в гуманитаристике, содействовал расширению предметных границ историографических исследований. Тема ученых степеней и званий подверглась диверсификации, будучи приспособленной к задачам обновления

и углубления представлений о таких областях истории исторической науки, которые позволяют понять основы функционирования историко-научного сообщества, реконструировать источники его саморазвития, коммуникативную систему, процесс формирования научного знания, опыт подготовки историка-профессионала, его профессиональный и карьерный путь. Именно в этой ситуации стали намечаться новые сюжетные линии, в том числе и тема диссертационной культуры как отдельной университетской системы. Одним из базовых ее элементов стал институт магистратуры. Процесс его изучения перспективен не только как специальный предмет исследования, но и в контексте исследований научных школ и такого историографического феномена как «профессорская культура». Новые подходы существенно обогатили видовую палитру источникового обеспечения проблемы. Несомненное ядро ее документального комплекса составляет интеллектуальный результат магистерской подготовки – магистерские диссертации. История их создания, разработка методик и критериев историографического анализа их проблематики, научных идей, методологий и концептуальных построений – почти нетронутая и актуальная проблема, еще ожидающая ученых-историографов.

1. *Алеврас Н. Н., Гришина Н. В.* Диссертационная культура российских историков XIX – начала XX вв.: замысел и источники исследовательского проекта // Мир историка: историографический сборник / под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. – Омск, 2010. – Вып. 6. – С. 9–21.
2. *Алеврас Н. Н.* Речь на магистерском диспуте Г. В. Вернадского в контексте его диссертационной истории (к публикации источника) // Мир историка: историографический сборник / под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. – Омск, 2010. – Вып. 6. – С. 367–384.
3. *Алеврас Н. Н., Гришина Н. В.* Российская диссертационная культура XIX – начала XX веков в восприятии современников. К вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2011. – Вып. 36. – С. 221–247.

4. Алеврас Н. Н. Диссертационная культура второй половины XIX – начала XX в.: речь историка на защите диссертации // Известия Уральского федерального университета. Серия 2.: Гуманитарные науки. – 2012. – № 3 (105). – С. 276–286.
5. Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Российский корпус магистрантов-историков: проблемы конструирования корпоративной институции и образа магистранта (вторая половина XIX – начало XX в.) // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ : материалы всероссийской научной конференции. – М., 2012. – С. 169–172.
6. Алеврас Н. «...Мир вещей в пространстве диссертационной культуры» // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / гол. ред. В. Смолій ; відп. ред. І. Колесник. – К., 2011/2012. – Вип. 6. – С. 136–159.
7. Александров Д. А. Историческая антропология науки // Вопросы истории естествознания и техники. – 1994. – № 4. – С. 3–22.
8. Бельный И. Л. «Вникать в названия неизвестных книг...». Памяти Г. Г. Кричевского [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://socionet.ru/publication.xml?h=repescrus:upafiz:7>
9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995. – 323 с.
10. Бон Т. Русская историческая наука /1880–1905 г./ Павел Николаевич Милоков и Московская школа / пер. с нем. Дм. Торицина. – СПб., 2005. – 272 с.
11. Вишленкова Е., Ильина К. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость [Электронный ресурс]. // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 122. – Режим доступа : <http://www.nlobooks.ru/node/3755>.
12. Волобуев П. В. Русская наука накануне Октябрьской революции // Вопросы истории естествознания и техники. – 1987. – № 3.
13. Волобуев П. В. [Рецензия] // Вестник Российской академии наук. – 1996. – Т. 66. № 3. – С. 3–17. – Рец. на кн. : Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. – М., 1994. – 196 с.
14. Воронаев И. Г. Порядок присуждения учёных степеней в России и СССР (1802–1995) : дис. ... канд. юрид. наук. – Невинномысск, 2000. – 296 с.

15. *Горошко О. Н.* Роль Министерства народного просвещения, Академии наук и университетов Российской империи в истории развития института диссертаций (1724–1919) : дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2002. – 192 с.
16. *Гришина Н. В.* «Написать такую книгу подвиг не малый...». Речь, произнесенная Екатериной Яковлевной Кизеветтер, в честь защиты А. А. Кизеветтером магистерской диссертации // Мир историка: историографический сборник / под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. – Омск, 2010. – Вып. 6. – С. 388–390.
17. *Гришина Н. В.* «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. – Челябинск, 2010. – 288 с.
18. *Гришина Н. В.* «Анахронизм наших печальных дней»: российская диссертационная система на рубеже 1910 – 1920-х годов // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – XXI веков : сборник статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. – Челябинск, 2011. – С. 172–180.
19. *Гришина Н. В.* От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. // Мир историка: историографический ежегодник. – 2013. – Вып. 9. [в печати].
20. *Жебелёв С. А.* Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем / публикация текста и комментарии И. В. Тункиной // Очерки истории отечественной археологии / сост. А. А. Формозов. – М., 2002. – Вып. 3. – С. 146–194.
21. *Идеалы и нормы научного исследования* / отв. ред. В. С. Степина. – Минск, 1981. – 430 с.
22. *Иванов А. Е.* Высшая школа в России в конце XIX – начале XX века. – М., 1991. – 392 с.
23. *Иванов А. Е.* Учёные степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. – М., 1994. – 198 с.
24. *Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом* : коллект. моногр. / отв. ред. А. Н. Дмитриев. – М., 2012. – 551 с.
25. *Кабанова Н. М.* К истории диссертационной деятельности в дореволюционной России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: rumchtn.rsl.ru/assets/files/2006/doc/1132909135.doc.

26. Кабанова Н. М. Структура российских диссертационных фондов [Электронный ресурс] // Библиотекосведение. – 2012. – № 5. – Режим доступа : <http://www.rsl.ru/ru/s3/s17/s33/bv52012/bv520127407>
27. Каблуков И. А. Как приобретали ученые степени в прошлое время // Социалистическая реконструкция науки. – 1935. – Вып. 9. – С. 96 – 102.
28. Козлова Л. А. «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933-1935 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nir.ru/si/si/si2-01koz.html>
29. Корзун В. П., Сидорякина Т. А. К проблеме трансформации «профессорской культуры» // Культурологические исследования в Сибири. – Омск, 2009. – С. 65–76.
30. Корзун В. П. Научная школа в интерьере «историографического быта» // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.). Т. I. : Научные сообщества в социокультурном пространстве России. – Омск, 1998. – С. 2–5
31. Кричевский Г. Г. Библиография диссертаций (Опыт обзора и план дальнейших работ в этой области) // Из трудов Библиотеки Академии Наук СССР. – Л., 1948. – С. 103–104.
32. Кричевский Г. Г. Диссертации университетов России. 1805–1919. – М., 1984. – 693 с. [Рукопись не опубликована]
33. Кричевский Г. Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. – 1985. – № 2. – С. 141–153.
34. Кричевский Г. Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи: (1755–1918) / сост., предисл., науч. ред. и посмертное издание А. Н. Якушева. – 3-е изд., испр. и доп. – Ставрополь, 2004. – 226 с.
35. Лаута О. Н. Научная подготовка и аттестация кадров на историко-филологическом факультете Московского университета (начало XIX– XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. – Невинномысск, 2000. – 185 с; прил.
36. Лебедева Л. И. Магистратура в XIX – начале XX в. как институт подготовки научных и научно-педагогических кадров в России // Вопросы образования. – 2005. – № 4.
37. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. – М., 1971.

38. *Маркова Л. А.* Наука: История и историография XIX–XX в. – М, 1987.
39. *Мир историка: историографический сборник / под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба.* – Омск, 2010. – Вып. 6. – 472 с.
40. *Мякотин В. М.* Диспут и ученая степень // Русское богатство. – 1897. – № 7. – С. 1–34.
41. *Научная деятельность: структура и институты: сборник переводов / сост., общая ред., вст. ст. Э. М. Мирского и Б. Г. Юдина.* – М., 1980. – 431 с.
42. *Наука и культура / отв. ред. В. Ж. Келле.* – М., 1984. – 336 с.
43. *Наука и ценности.* – Новосибирск, 1987. – 242 с.
44. *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. – М., 1974. – 636 с.
45. *Новое литературное обозрение.* – 2013. – № 122 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nlobooks.ru/node/3755>
46. *Огурцов А. П.* Социальная история науки: стратегии, направления, проблемы [Электронный ресурс] // Принципы историографии естествознания: XX в. – СПб., 2001. – С. 34–68. – Режим доступа : http://a_ogurtsov.euro.ru/papers/ogur99h.htm .
47. *Ойссар Э. П.* Диссертации, защищенные в Тартуском университете. 1802–1918 : библиографический указатель. – Тарту, 1973. – 180 с. [на эстонском языке].
48. *Попова Т. Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: из истории Новороссийского университета. – Одесса, 2007. – 536 с.
49. *Посохов С. И.* «Считаю для себя неприличным...»: этические аспекты процесса защиты диссертаций в университетах Российской империи // Харківський історіографічний збірник. – Х., 2012. – Вип. 11. – С. 131–152.
50. *Российские университеты в XVIII–XX веках.* – Воронеж 1993–2002. Вып. 1–6.
51. *Сандерс Т.* Третий оппонент: защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом : коллект. моногр. / отв. ред. А. Н. Дмитриев. – М., 2012. – С. 161–192.
52. *Свешников А. В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества : монография. – Омск, 2010. – 408 с.

53. *Свешников А. В.* Социальный статус и поведенческие стратегии «дореволюционных аспирантов-историков» // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков. Сборник статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. – Челябинск, 2011. – С. 165–171.
54. *Соболева Е. В.* Организация науки в пореформенной России. – Л., 1983. – 256 с.
55. *Троицкий Ю. Л.* Историографический быт эпохи как проблема // Культура и интеллигенция Россия в эпоху модернизаций : материалы II Всерос. науч. конф. Т. II. : Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. – Омск, 1995. – С. 164–165.
56. *Уитли Р.* Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты : сборник переводов. – М., 1980. – С. 218–256.
57. *Чесноков В. И.* Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Российские университеты в XIX – начале XX века. – Воронеж, 1996. – Вып. 2. – С. 3–29.
58. *Чесноков В. И., Чесноков И. В.* К вопросу о подготовке профессоров истории в университетах России XIX-начала XX в. // История и теория исторической науки и образования: Харьковский историографический сборник. – Харьков, 1995. – Вып. 1. – С. 73–86.
59. *Щетинина Г. И.* Университеты в России и устав 1884 года. – М., 1976. – 231 с.
60. *Эймонтова Р. Г.* Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. – М., 1985. – 350 с.
61. *Эймонтова Р. Г.* Русские университеты на путях реформ. Шестидесятые годы XIX в. – М., 1993. – 272 с.
62. *Эммонс Т.* Ключевский и его ученики // Вопросы истории. – 1990. – № 10. – С. 45–61.
63. *Якушев А. Н.* Комплексная программа научных исследований «История учёных степеней в России XVIII в. – 1918 г.». – М., 1996. – 61 с.

64. Якушев А. Н. Порядок присуждения учёных степеней в России (1747–1918): развитие и реализация правовых идей, проектов, законопроектов и нормативных правовых актов (на опыте научного направления) : дис... док. юрид. наук. – Невинномысск, 2001. – 517 с.
65. Якушев А. Н. Научная подготовка и аттестация кадров в России. 1802–1918: Извлечения из распоряжений министра народного просвещения. – Ставрополь, 1998. – 198 с.

Алеврас Н. М. Магістратура в контексті дисертаційної культури: дореволюційний досвід історико-наукового співтовариства в історіографічному ракурсі

Досліджується історія виникнення та розвитку наукового інтересу в історіографії ХХ століття до проблем російської системи професійної підготовки вчених-істориків. У центрі уваги автора знаходиться інститут магістратури в університетах Російської імперії другої половини ХІХ – початку ХХ ст., який розглядається як предмет історіографічного аналізу в досвіді російських і зарубіжних істориків. Автор висловлює і власне розуміння сенсу, місця і значення даної інституції з позицій інституційного, антропологічного, комунікаційного, наукознавчого та історіографічного підходів.

Ключові слова: магістратура, дисертаційна культура, історико-наукове співтовариство, історіографія, університети Росії, вчений-історик, дисертація.

Alevras N. N. Magistracy in a context of dissertation culture: pre-revolutionary experience of historical and scientific community in a historiographic foreshortening

The history of emergence and development of scientific interest in a historiography of the XX century to problems of the Russian system of vocational training of scientists-historians is investigated. In the center of attention of the author there is a magistracy institute in universities of the Russian Empire of the second half of the XIX beginning the XX century considered as a subject of the historiographic analysis in experience of the Russian and foreign historians. The author expresses also own understanding of sense, a place and value of this institution from positions of institutional, anthropological, communication, naukovedchesky and historiographic approaches.

Keywords: magistracy, dissertation culture, historical and scientific community, historiography, universities of Russia, scientist-historian, thesis.